

Правда и Кривда. Русская народная сказка

1.

Вот, знашь, было какое дело, скажу твоему здоровью. Вот, не во гнев твоей милости, к речи сказать, как мы теперича, с тобой, раскалялись промеж себя двое нашей братьи мужичков, беднеющие-пребеднеющие. Один-от жил кое-как, колотился всеми неправдами, горазд был, знашь, на обманы, и приворнуть его было дело, а другой-от, слышь, шел по правде, кабы трудами век прожить. Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил.

Вот и пошли они, братец мой, на дорогу. Пошли на дорогу и решили спросить до трех раз, кто им навстречу попадет и что на это скажет. Вот они шли-шли, братец мой, и увидали — барский мужичок пашет. Вот, знашь, и подошли к нему. Подошли и говорят: «Бог на́ помочь тебе, знакомый. Разреши ты наш спор: как лучше жить на белом свете — правдой или кривдой?» — «Нет, слышь, братцы! Правдой век прожить не сможешь, кривдой жить вольготней. Вот и наше дело: бесперечь, слышь, у нас господа отнимают дни, работáть на себя некогда; из-за неволи прикинешься, будто что попритчилось — хворь, знашь, нашла; а сам меж этим временем-то в лешишко съездишь по дровицы, не днем, так ночью, коли есть запрет». — «Ну, слышь, моя правда», — говорит криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли опять по дороге — что скажет им другой. Шли-шли и видают: едет на паре в повозке с кибиткой купец. Вот подошли они к нему. Подошли и спрашивают: «Остановись-ка, слышь, на часик, не во гнев твоей милости, о чем мы тебя спросим. Реши, слышь, наш спор: как лучше жить на свете — правдой али кривдой?» — «Нет, слышь, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Нас обманывают, и мы, слышь, обманываем». — «Ну, слышь, моя правда», — говорит опять криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли они опять по дороге — что скажет третий. Шли-шли, вот и видят: едет поп навстречу. Вот они подошли к нему. Подошли, знашь, к нему и спрашивают: «Остановись-ка, батька, на часочек, реши ты наш спор: как

лучше жить на свете — правдой али кривдой?» — «Вот нашли о чем спрашивать. Знамо дело, что кривдой. Какая нонче правда? За правду, слышь, в Сибирь угодишь, скажут — кляузник. Вот хоть к примеру, говорит, сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разе десятая доля на духу-то бывает, а знамо дело, мы всех записываем. Зато и нам повольготнее; ин раз ладно и молебен заместо обедни». — «Ну, слышь, — говорит криводушный-от правдивому-то, — вот все говорят, что кривдой лучше жить». — «Нет, слышь! Надо жить по-божью, как бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу», — говорит правдивый-от криводушному-то.

Вот пошли опять дорогой вместе. Шли-шли, — криводушный-от всяко сумеет ко всем прилаживаться, везде его кормят, и калачи у него есть, а правдивый-от где водицы изопьет, где поработает, его за это накормят, а тот, знашь, криводушный-от все смеется над ним. Вот раз правдивый-от попросил кусочек хлебца у криводушного-то: «Дай, слышь, мне кусочек хлебца!» — «А что за него мне дашь?» — говорит криводушный. «Если что хошь — возьми, что у меня есть», — говорит правдивый-от. «Дай глаз я тебе выколю!» — «Ну, выколи», — он ему говорит. Вот этим делом-то криводушный-от и выколол правдивому-то глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Тот, слышь, стерпел, взял кусочек хлебца, съел, и пошли опять по дороге.

Шли-шли, — опять правдивый-от у криводушного-то стал просить хлебца кусочек. Вот, знашь, тот опять разное стал над ним насмехаться. «Дай, слышь, другой глаз я тебе выколю, ну, дам тогда кусочек». — «Ах, братец, пожалей, я слепой буду», — правдивый-от упрашивал его. «Нет, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой», — криводушный-от ему говорил. Что делать? Ну, так тому делу и быть. «На, выколи и другой, коли греха не боишься», — правдивый-от говорит криводушному-то. Вот, братец мой, выколол ему и другой-от глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Дал хлебца и оставил его, слышь, на дороге: «Вот, стану я тебя водить?» Ну что делать, слепой съел, знашь, кусочек хлебца и пошел потихоньку ощупью с палочкой.

Шел-шел кое-как и сбился, слышь, с дороги и не знает, куды ему идти. Вот и начал он просить бога: «Господи! Не оставь меня, грешного раба твоего!» Молился, слышь, молился, вот и услышал он голос; кто-то ему говорит: «Иди ты направо. Как пойдешь направо, придешь к лесу; придешь к лесу — найди ты ощупью тропинку. Найдешь, слышь, тропинку, поди ты по той тропинке. Пойдешь по тропинке, придешь на гремечий ключ. Как придешь ты к

гремячему ключу, умойся из него водой, испей той воды и намочи ею глаза. Как намочишь глаза, ты, слышь, прозреешь! Как прозреешь. поди ты вверх по ключу тому и увидишь большой дуб. Увидишь дуб, подойди к нему и залезь на него. Как залезешь на него, дождись ночи. Дождешься, слышь, ты ночи, слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи. Они, слышь, тут слетаются на токовище».

Вот он кое-как добрел до леса. Добрел до леса, полазил-полазил по нем, напал кое-как на тропинку. Пошел по той тропинке, дошел до гремячего ключа. Дошел до ключа, знашь, умылся водою. Умылся водою, испил и примочил глаза. Примочил глаза и вдруг увидел опять свет божий — прозрел. Вот как прозрел — и пошел, слышь, вверх по тому ключу. Шел-шел по нем вот и видит большой дуб. Под ним все утоптано. Вот он влез на тот дуб. Влез и дождался ночи.

Вот, слышь, начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы. Слетались, слетались, вот и начали рассказывать, где кто был. Вот один бес и говорит: «Я, слышь, был у такой-то царевны. Вот, десять годов ее мучаю. Всяко меня выгоняют из нее, никто меня не сможет выгнать, а выгонит, слышь, тот, кто вот у такого-то богатого купца достанет образ смоленской божьей матери, что у него на воротах в киоте вделан».

Вот наутро, знашь, как все бесы разлетелись, правдивый-от слез с дуба. Слез с дуба и пошел искать того купца. Искал, искал, кое-как нашел его. Нашел и просится работатъ на него. «Хоть год, слышь, проработаю, ничего мне не надо, только дай мне образ божьей матери с ворот». Купец, знашь, согласился, принял его к себе в работники. Вот работал он у него что ни есть мочи круглый год. Проработавши год, он и просит тот, знашь, образ. Вот купец, слышь: «Ну, братец, доволен я твоей работой, только жаль мне образа, возьми лучше деньги». — «Нет, слышь, не надо денег, а дай мне его по уговору». — «Нет, слышь, не дам образ. Проработай еще год, ну, так и быть, тогда отдам тебе его». Вот этим делом-то, знашь, правдивый-от мужичок работал еще год. Ни дня, ни ночи не знал, все работал, такой, слышь, старательный был.

Вот проработал год, опять, знашь, стал просить образ божьей матери с ворот. Купцу, слышь, опять жаль и его отпустить и образ-от отдать. «Нет, слышь, лучше я тебя казною награжу, а коли хочешь, то поработай еще год, ну, так отдам тебе образ». Вот так тому делу и быть, опять стал работать год. Работал еще пуще того, знашь, всем на диво, какой был работающий! Вот проработал и третий год. Проработал и опять, знашь, просит образ. Вот

купец, делать нечего, снял образ с ворот и отдал ему. «На, возьми образ и ступай с богом». Напоил-накормил его и деньгами, слышь, наградил малую толику.

Вот этим делом-то, знашь, взял он образ смоленской божьей матери. Взял его и повесил на себя. Повесил на себя и пошел, слышь, к тому царю царевну лечить, у которой бес-от мучитель сидит. Шел-шел и пришел к тому царю. Пришел к царю и говорит: «Я-де вашу царевну излечить, слышь, смогу». Вот этим делом-то впустили его в хоромы царские. Впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вот он спросил, знашь, воды. Подали воды, вот он перекрестился. Перекрестился и три земных поклона положил — знашь, помолился богу. Помолился, слышь, богу, вот и снял с себя образ божьей матери. Снял его и с молитвою три раза в воду опустил. Опустил, знашь, и надел его на царевну. Надел на царевну и велел ей тою водою умываться. Вот этим делом-то, как она, матушка, надела на себя тот образ и, знашь, умылась тою водою, вдруг из нее недуг-от, вражья-то нечистая сила, клубом вылетел вон. Вылетел вон, и она, слышь, стала здорова по-прежнему.

Вот этим делом-то невесть как все обрадовались. Обрадовались и не знали, чем наградить этого мужичка. И землю, слышь, давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. «Нет, слышь, ничего не надо!» Вот царевна-то и говорит царю: «Я замуж за него иду». — «Ладно», — царь-от сказал.

Вот этим делом-то, слышь, и повенчались. Повенчались, и стал наш мужичок ходить в одеже царской, жить в царских хоромех, пить-есть всё и на всё заодно с ними. Жил-жил и принаторел к ним. Вот как принаторел он к ним, и говорит: «Пустите меня на родину; у меня, слышь, есть мать, старушка бедная». — «Ладно, — царевна, знашь, жена-то его, сказала. — Поедем вместе».

Вот и поехали они вместе, вдвоем с царевной. Лошади-то, одежа, коляска, сбруя — все царское. Ехали, ехали и подъезжают они, слышь, к его родине. Подъезжают к родине, вот и попадается навстречу им тот криводушный, что, знашь, спорил-то с ним, что лучше жить кривдой, чем правдой. Идет, слышь, навстречу; вот правдивый-от царский сын и говорит: «Здравствуй, братец мой», — называет его, слышь, по имени! Тому, знашь, в диковину, что в коляске такой знатный барин его знает, и не узнал его. «Помнишь, ты спорил со мною, что лучше жить кривдой, чем правдой, и выколол мне глаза? Это я самый!»

Вот, знашь, он оробел и не знал, что делать. «Нет, не бойся, я на тебя, слышь, и не сержусь, а желаю и тебе такого ж счастья. Вот поди ты в такой-то лес, — знашь, научает его, как его бог научил. — В том лесе увидишь ты тропинку. Поди по той тропинке, придешь ты к гремячему ключу. Напейся, слышь, из того ключа воды и умойся. Как умоешься, поди ты вверх по ключу. Увидишь там ты большой дуб, влезь на него и просиди всю ночь на нем. Под ним, слышь, токовище нечистых духов, и ты слушай и услышишь свое счастье».

Вот, знашь, криводушный-от по его слову, как по-писаному, все это сделал. Нашел лес и ту тропинку. Пошел по тропинке и пришел, слышь, к гремячему ключу. Напился, знашь, и умылся. Умылся и пошел вверх по нем. Пошел вверх и увидел большой дуб, под ним все утоптано. Вот он залез на этот дуб. Залез на дуб, знашь, и дождался ночи. Дождался ночи и слышит, как со всех сторон слетались на токовище нечистые духи. Вот как слетелись — и услышали по духу его на дубу. Услыхали, знашь, по духу и растерзали его на мелкие части.

Так тем, слышь, это дело и покончилось, что правдивый-от стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти.

2.

Жили два купца: один кривдой, другой правдой; так все и звали их: одного Кривдою, а другого Правдою. «Послушай, Правда! — сказал раз Кривда. — Ведь кривдою жить на свете лучше!..» — «Нет!» — «Давай спорить?» — «Давай». — «Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трех встречах нам скажут, что жить правдою лучше, то все корабли твои, а если кривдою, то мои!» — «Хорошо!..»

Плыли они много ль, мало ль, сколь не далече путь свой продолжали, — встретился им купец. «Послушай, господин купец, чем на свете жить лучше: кривдою или правдою?» — «Жил я правдою, да плохо; а теперь живу кривдою, кривда лучше!» Плывут они дальше много ль, мало ль, и встречается им мужичок. «Послушай, добрый человек, чем на свете лучше жить: кривдою или правдою?» — «Известное дело — кривдою; а правдою куска хлеба не наживешь!» На третьей встрече им сказали то же самое.

Отдал Правда три корабля Кривде, вышел на берег и пошел тропинкою в темный лес. Пришел он в избушку и лег под печку спать. Ночью поднялся

страшный шум, и вот кто-то говорит: «А ну-тка, похвалитесь: кто из вас нынче гуще кашу заварил?» — «Я поссорил Кривду с Правдою!» — «Я сделал, что двоюродный брат женится на сестре!» — «Я разорил мельницу и до тех пор буду ее разорять, пока не забьют крест-накрест палей». — «Я сомустил человека убить!» — «А я напустил семьдесят чертенят на одну царскую дочь; они сосут ей груди всякую ночь». А вылечит ее тот, кто сорвет жар-цвет!» (Это такой цвет, который когда цветет — море колыхается и ночь бывает яснее дня; черти его боятся!)

Как ушли они, Правда вышел и помешал жениться двоюродному брату на сестре, запрудил мельницу, не дал убить человека, достал жар-цвет и вылечил царевну. Царевна хотела выйти за него замуж, да он не согласился. Подарил ему царь пять кораблей, и поехал он домой. На дороге встретил Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросил у него все, как что было, да и залег ночью под печку в той же избушке... Слетелись духи, да и начали совет держать; как бы узнать того, кто испортил им все дела? Подозревали они самого из них ледащего; как стали его бить да щипать, он бросился под печку, да и вытащил оттуда Кривду. «Я Кривда!» — говорит купец чертям, да все-таки они его не послушали и разорвали на мелкие кусочки.

Так и выходит, что правдою-то жить лучше, чем кривдою.

3.

Однажды спорила Кривда с Правдою: чем лучше жить — кривдой али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили, спорили, никто не переспорит. Говорит Кривда: «Пойдем к писарю, он нас рассудит!» — «Пойдем», — отвечает Правда.

Вот пришли к писарю. «Реши наш спор, — говорит Кривда, — чем лучше жить — кривдою али правдою?» Писарь спросил: «О чем вы бьетесь?» — «О ста рублях». — «Ну ты, Правда, проспорила; в наше время лучше жить кривдою».

Правда вынула из кармана сто рублей и отдала Кривде, а сама все стоит на своем, что лучше жить правдою. «Пойдем к судье, как он решит? — говорит Кривда. — Коли по-твоему — я тебе плачу тысячу рублей, а коли по-моему — ты мне должна оба глаза отдать». — «Хорошо, пойдем». Пришли они к

судье, стали спрашивать: чем лучше жить? Судья сказал то же самое: «В наше время лучше жить кривдою». — «Подавай-ка свои глаза!» — говорит Кривда Правде; выколола у ней глаза и ушла куда знала.

Осталась Правда безглазая, пала лицом наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла в траве. В самую полночь собралась туда неверная сила. На́большой стал всех спрашивать: кто и что сделал? Кто говорит: я душу загубил; кто говорит: я того-то на грех смустил; а Кривда в свой черед похваляется: «Я у Правды сто рублей выпорчила да глаза выколола!» — «Что глаза! — говорит на́большой. — Стоит потереть тутошной травкою — глаза опять будут!» Правда лежит да слушает.

Вдруг крикнули петухи, и неверная сила разом пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потеряла один, потеряла другой — и стала видеть по-прежнему; захватила с собой этой травки и пошла в путь-дорогу. В это время у одного царя ослепла дочь, и сделал он клич: кто вылечит царевну, за того отдаст ее замуж. Правда приложила ей к очам травку, потеряла и вылечила; царь обрадовался, женил Правду на своей дочери и взял к себе в дом...

4.

В некотором царстве жили два крестьянина: Иван да Наум. Назвались они товарищами и пошли вместе на заработки. Шли-шли, очутились в богатом селе и нанялись у разных хозяев; поработали одну неделю и свиделись в воскресный день. «Ты, брат, сколько заработал?» — спросил Иван. «Мне пять рублей господь дал». — «Господь дал! Много он даст, коли сам не заработаешь? — «Нет, брат, без божией помощи сам ничего не сделаешь, ни гроша не получишь!» Тут они крепко заспорили и положили на том: «Пойдем оба по дороге и спросим у первого встречника: чья правда? Кто проиграет, тот должён отдать все свои заработанные деньги».

Вот и пошли; сделали шагов с двадцать — попадается им навстречу нечистый дух в человеческом образе. Стали его спрашивать, а он в ответ: «Что сам заработаешь, то и ладно! На бога нечего надеяться, он ни копейки не даст!» Отдал Наум все свои деньги Ивану и воротился к хозяину с пустыми руками. Прошла еще неделя; в воскресный день работники опять свиделись и подняли тот же спор. Наум говорит: «Хоть на прошлой неделе ты и забрал мои деньги, а мне господь еще больше дал!» — «Ну, — отвечает Иван, — если, по-твоему, тебе бог дал, а не сам ты заработал, то давай

опять пойдем до первой встречи и спросим: чья правда? Кто виноват останется, у того отобрать все деньги и отрезать правую руку». Наум согласился.

Пошли они по дороге; повстречался им тот же нечистый и отвечал что́ и прежде. Иван обобрал у товарища деньги, отрубил ему правую руку и оставил одного. Долго думал Наум, что теперь ему без руки делать? Кто кормить-поить станет? Ну да бог милостив! Пошел к реке и лег на берегу под лодку: «Переночую пока здесь, а утром увижу, что делать; утро вечера мудренее».

В самую полночь собралось на эту лодку многое множество нечистых и начали промеж себя разговаривать: кто какие козни устроил. Один говорит: «Я между двух мужиков спор решил в противную сторону, и у правдивого руку отрезали». Другой на то сказал: «Это пустое! Только три раза по росе покататься — рука снова вырастет!» — «А я, — начал хвастаться третий, — у такого-то барина единственную дочь иссушил: чуть жива ходит!» — «Эка! — отвечал четвертый. — Если кто пожалеет барина, то непременно вылечит дочку. Средство простое: взять такой-то травы сварить да в том отваре искупать ее — она и будет здорова!» — «В одном пруду, — стал говорить пятый, — мужик поставил водяную мельницу и уж много лет хлопочет, а все без пользы: только что запрудит плотину, а я прокопаю и выпущу воду». — «Дурак же твой мужик! — сказал шестой черт. — Он бы загатил получше плотину, а когда б стала вода прорываться — бросил бы туда сноп соломы: тут бы ты и погиб!»

Наум все это слышал и на другой день вырастил свою правую руку, потом исправил у мужика плотину и вылечил дочь у барина. Щедро его наградили и мужик и барин, и зажил он припеваючи. Раз повстречал он своего прежнего товарища; тот удивился, зачал спрашивать: как-де ты разбогател и откуда руку взял? Наум ему все рассказал, ничего не утаил. Иван выслушал и думает: «Постой же, и я так сделаю, еще пуще его разбогатею!» Пошел к реке и лег на берегу под лодку. В полночь собрались нечистые. «А что, братцы, — говорит один из них, — должно быть, кто-нибудь нас подслушивает. Ведь у мужика рука отросла, боярская дочь выздоровела, и плотина в ход пошла!»

Бросились все под лодку смотреть; нашли Ивана и разорвали на мелкие кусочки. Отлились волку коровьи слезы!

5.

Были два брата; один богатый, другой бедный. Богатый сделал пирушку, позвал гостей, позвал и брата. Брат пришел всех наперво; после него начали собираться гости. Когда набралось их много, хозяин начал подвигать своего брата ниже; говорит ему: «Поди-ка ты, брат, пониже!» Брат подвигался, подвигался и додвинулся до самых дверей: больше уж и места нет! А гостей все прибывает... Говорит, наконец, богатый бедному: «Поди-ка ты к черту, дай другим место!»

Бедный брат вышел на улицу и побежал на реку. Ходит по берегу мельник; бедный его и спрашивает: «Скажи, где черт живет?» Тот отвечает: «Вон, поди — скочи в бучило». Вот бедный туда скочил и объявился в избе — в той избе никого нет. Он запал туда, чтоб его не видно было, и сидит себе смирно да тихо. Скоро собрались в избу бесенки; собрались и стали промеж себя похваляться. Один, хромой, говорит: «Я мельницу прорыл — ни за что ее не укрепить!» А другие ему в ответ: «Как не укрепить? Мельник укрепит!» — «Чем?» — «Он наладит терновнику да шиповнику; тем дело и устроит!» Мужик слушает их речи...

Когда беси убежали из избы, а мужик остался один, — он тотчас выскочил оттуда, вынырнул из-под воды и очутился наверху. Мельник все по берегу ходит, не знает, не ведает, чем укрепить мельницу. Бедный говорит: «Награди меня, я укреплю твою мельницу». — «Возьми что угодно; хоть целый воз денег дам, только укрепь, пожалуйста!» — «Натаскай терновника да шиповника, тем и устроишь!» Мельник тотчас набил сваи, накидал терновнику, набросал шиповнику, сверху землей заровнял — и укрепил мельницу, а мужику целый воз денег насыпал.

Бедный увез деньги домой, надо в кладовую таскать, а не в чем. Вот он посылает своего сына к богатому брату и наказывает попросить у него четуху. Богатый спрашивает: «На что четуху?» — «Деньги из телеги в кладовую носить». — «Какие там деньги? Что вы, смеетесь надо мной, что ли? У вас денег николи не водилось!» — и не дал четухи. Мальчик пришел безо всего и говорит отцу: «Дядя не дал четухи, сказывает: на что вам!» Отец посылает сына в другой раз: «Поди еще, да хорошенько попроси». Мальчик опять к дяде. «Дай, — говорит, — четуху; надо деньги таскать». Богатый дивится, не верит: «Ступай, я сам принесу!» Приносит к бедному брату четуху, увидел полный воз денег и стал спрашивать: «Скажи, брат, где взял монету! Гляди-ка, у тебя ее целые вороха набросаны!» — «А

помнишь, как ты послал меня к черту? Вот я к черту ходил и добро получил».

Богатому забедно стало, пошел искать черта. Прибежал на реку, а мельник по берегу ходит да радуется, что укрепил свою мельницу. Спрашивает его богатый: «Где черт живет?» — «Вон, поди в бучило!» Он бросился и объявился в избе. Начали бесенки опять собираться в избу и разговаривают промеж себя: «Вот мельник укрепил-таки мельницу и терновником и шиповником; теперь не разломать!» Хромой бесенок стал говорить: «А что, братцы, не подслушивает ли кто наши речи?» Давай искать везде и нашли богатого брата в углу: «А! Дак это ты переносишь наши речи?» Взяли его задавили и бросили в омут.

6.

Был-жил Макарка — такой счастливый на рыбу, что за ночь по десяти ведер налавливал. Вдруг то сделалось, что совсем перестала рыба попадать. Макарка Счастливый сейчас догадался, пошел на реку ночевать и лег под лодку. Пришли три черта и хвастаются; один черт говорит: «Я вот у Макарки Счастливого всю рыбу отнял, не стала к нему в сети попадать».

Другой говорит: «Я вот в таком-то царстве всю воду остановил: и люди и звери без воды помирают. А можно сделать, что пойдет вода; надобно цепь сковать да на той цепи в омут опуститься и отомкнуть жилу; только надо скорей вылезать оттудова, а то человек от воды захлебнется!» Третий говорит: «А я вот в некотором царстве мучу царицу, в ночь по три платья раздираю».

Макарка выслушал эти разговоры, и только убрались черти — он вылез из-под лодки и пошел в чужую сторону, где народ без воды помирает; пришел в ту землю и говорит народу: «Хотите, я вам воду пущу?» Весь народ возрадовался, начал просить: «Сделай милость, пусти воду!» Сейчас доложили царю. Макарка Счастливый велел сковать цепь во сто сажон. Сковали цепь с крюком и опустили Макарку в омут; он отомкнул жилу — вода ударила, потекла, зашумела... а Макарку Счастливого назад выхватили. И скотина и люди — все бегут к воде! Царь пожаловал Макарку Счастливого, наградил его и деньгами и селами.

После того отправился Макарка в иное государство, где черт у царя жену мучит; пришел прямо во дворец и говорит царю: «Хочешь, я то сделаю, что

черт перестанет царицу мучить?» Царь этому возрадовался: «Сделай милость! Что хочешь — тебе заплачу». Макарка Счастливый велел сковать себе долбню в двенадцать пуд да железную шапку, чтоб было что на голову надевать. Настала ночь; надел Макарка железную шапку, взял в руки долбню и сел возле царицыной спальни; а кругом у дворца всё солдаты стоят с ружьями да с пушками, как летит черт к царице — сейчас бьют в него и палят, а убить не могут! Прилетел черт, увидал Макарку и говорит ему: «Здорово, Макарка Счастливый!» — «Здорово, черт!» — «Пусти к царице». — «Нет, не пушу! Давай наперед стукнем один другого по разу». — «Давай!» Вот кинули жребий, кому достанется прежде бить. И досталось прежде бить черту.

Как ударил черт Макарку Счастливого — тот пошатнулся, а Макарка ударил его — черт с ног свалился, еле-еле в себя пришел и полетел назад.

На другую ночь принес черт осьмину орехов и начал Макарку Счастливого орехами занимать, только б к царице пустил.

Вот они щелкали, щелками орехи, и говорит черт Макарке: «Что ж ты меня не попотчешь своими орехами?» А у Макарки Счастливого были в кармане чугунные орехи: «Изволь, у меня в кармане есть!» Черт эти орехи во рту валял, валял, не мог ни одного разгрызть; так и бросил и говорит опять: «Пусти к царице!» Макарка не пускает: «Давай, — говорит, — ударимся еще по разу!» — «Давай!» Ударил черт — Макарка наземь упал, а Макарка ударил — убил черта до смерти. Царь пожаловал Макарку Счастливого, отдал за него дочь свою замуж; зажил Макарка с царевою дочкою — просто чудо!

7.

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были в одной деревне два соседа — оба портные. Раз согласились они и пошли вместе в иные волости промышлять своим мастерством. Пришли в село, начали баб да мужиков обшивать и заработали по двадцати рублей на брата. Собрались и пошли в другую волость; те-другие разговоры, и заспорили: чем лучше жить, правдою или кривдою? «Дурак ты! — забранился криводушный. — Видишь: баре, купцы да торговые люди умеют кривить, так они зато в сапогах ходят; а у нас на деревне, чай, знаешь старика Абрама: весь век свой прожил правдою, а сапогов да хорошего платья сроду не нашивал!» Правдивый стоит на своем, не соглашается.

Вот и ударились они об заклад, а уговор был такой: дойти до первого села и спросить у людей, чем лучше жить? Коли скажут: правдою, то криводушный отдаст правдивому свои двадцать рублей, а коли скажут: кривдою, то наоборот — пусть правдивый расплачивается. Пришли в село и стали ходить по избам да спрашивать: «Скажите, люди божи, чем лучше жить: правдою или кривдою?» Только кого ни пытаются, все в одно слово говорят: «Нашли о чем спрашивать! Кривде везде лучше, кривда в сапогах ходит, а правда в лаптях!» Отдал правдивый криводушному свои деньги, и принялись по-прежнему работать, баб, мужиков обшивать; заработали по тридцать рублей на брата и пошли в третью волость. Дорогою те же разговоры; один говорит: правда лучше; другой говорит: нет, кривда лучше!

Поспорили и ударились об заклад на тридцать рублей. Дошли до села; кого ни спросят — всяк одно твердит: «Где уж нынче правдой жить? Правда-то в лаптях ходит, а кривда в сапогах!» Проспорил правдивый криводушному весь заработок. В третий раз выработали они по пятидесяти рублей на брата и опять заспорили. Заспорили и решили на том: если кто теперь проспорит, у того и деньги взять и глаза ему выкопать. Знамое дело, правдивый проспорил; криводушный взял у него пятьдесят рублей, выкопал ему глаза, оставил одного на дороге, а сам ушел домой. «Видно, и в самом деле нет на свете правды! — сказал слепой. — Кривда меня перемогла; как мне быть невидущему?» Побрел ощупью и попал на тропинку; эта тропинка привела его до станка. Тут нащупал он толстое дерево, влез на самую верхушку и просидел до позднего вечера.

Как стемнело, пришел на то место старец, принес вязанку дров, сбросил с плеч и сказал: «Господи благослови!» Немного погодя пришел другой старец, а там и третий; сбросили с плеч по вязанке дров и также промолвили: «Господи благослови!» Потом развели они огонь, сели возле костра и стали разговаривать. Один говорит: «У нашего царя третий год дочь больна; кто ее вылечит, за того царь отдаст ее замуж». Другой говорит: «Царевну просто вылечить; она заболела в самый троицын день. Подал ей за обедней поп просвиру, она стала есть и уронила под пол крошку, ту крошку подхватила лягушка и съела; от того вся беда приключилась. Теперь коли в троицын день взять бычью кожу, помазать ее медом да положить под церковный пол, лягушка сейчас всползет на кожу, полижет меду, станет гадовать и выронит просвирную крошку. Тогда только взять эту крошку, обмыть в воде да скормить царевне — царевна и поздоровеет».

На другое утро стали старцы росой умываться и говорят между собой: «Какая сегодня славная роса! Стоит ею раз-другой помочить глаза — так и слепота пропадет!» После того старцы ушли, а слепой швец спустился с дерева, умылся росой — и в ту ж минуту стал видеть лучше прежнего, словно никогда и глаз не терял. Прославил он господа бога и пошел в тот город, где жила больная царевна. На троицын день явился он к царю, потребовал себе бычью кожу да меду, сделал все, как сказывал старец, и вылечил царевну. Царь обрадовался и выдал за него свою дочь.

8.

Были-жили два мужика; у одного было четыре корабля, у другого — три, и поспорили они, чем лучше жить: кривдой али правдой? Правдивый-то и проспорил своему супротивнику все свои три корабля, и попросил он его перевезть себя на корабле на другой берег. Так дело и сделалось. Переехал он на другой берег, и пошел по пробитой тропинке, и пришел к дереву, а под деревом место кругом было утоптанно, оттого что сюда собиралась нечистая сила. Влез правдивый на дерево, чтоб отдохнуть немножко, не боясь зверя, а за ним вслед собралась туда всякая нечистая сила и стала похваляться своими делами.

Вот один черт и рассказывает, как он испортил какую-то царевну: царевна ослепла, оглохла, смутилась разумом, вылечить ее никто не сможет; а вылечить ее можно: надо только взять из такой-то церкви крест да облить его водою и тою водою умывать и поить больную царевну, да еще надо из-под такого-то камня достать лягву, вынуть у нее изо рта кусочек просвиры, что она утащила, и дать тот кусочек съесть больной царевне. Правдивый подслушал все это, добыл и крест и кусочек просвирки и вылечил царевну. Царь отдал ему за то полцарства и в жены дочь свою, а как умер царь, правдивый сам сделался царем.

А у криводушного мужика все пошло прахом, богатство все изгибло, и стал он ходить по́ миру и собирать милостыню. Вот раз сделал царь на нищих обед, пришел и криводушный. Царь узнал его, приказал его остановить и позвать к себе и оставил его ночевать во дворце возле себя. Ночью-то мужику захотелось испить, и видит он: стоит в палатах вода, какую царь умывал свои ноги. «Ну, — думает он, — ничего, напьюсь и этой; царские ноги не поганы!» А царь увидел, что он хочет испить, и закричал: «Эй, вестовой, дай человеку напиться!» — и ему тотчас принесли чистой воды.

Наутро царь рассказал криводушному все, что с ним случилось, наградил его и отпустил. Мужик захотелось попытать такого ж счастья, и пошел он под то же дерево, где был и правдивый, да нечистая сила почуяла его и разорвала на части.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.